

Bauer, Jaroslav

Проблема реконструкции праславянского сложного предложения

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1958, vol. 7, iss. A6, pp. [43]-55

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101458>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЯРОСЛАВ БАУЭР

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Реконструкция грамматического строя праславянского языка — очень важная, хотя и не единственная задача сравнительно-исторического изучения славянских языков: не имея правильного представления об исходном пункте развития отдельных славянских языков, нельзя удовлетворительно объяснить их сходства и расхождения, наблюдающиеся в течение их исторического развития, трудно отличить конструкции, восходящие к эпохе языковой общности, от параллельно развившихся или заимствованных конструкций, трудно установить общеславянские и частные законы или тенденции развития. Славянское языкознание достигло уже надежных результатов в изучении фонетической и фонологической системы праславянского языка, что создает предпосылки для изучения фонетического развития славянских языков, рассматриваемого как продолжение и видоизменение процессов праславянских. Сравнительно хорошо восстановлена также праславянская морфологическая структура, так что созданы предпосылки для обобщения основных тенденций развития морфологической системы, охватывающих все славянские языки и являющихся продолжением процессов, которые относятся к времени языковой общности славян, или которые действуют только в отдельных группах славянских языков, или же в отдельных языках.

Между тем, в области синтаксиса сделано до сих пор гораздо меньше. Это ясно сказывается в сведениях о синтаксическом строе праславянского языка во всех работах на эту тему. Необходимость интенсивной работы в этой области сравнительной славянской грамматики выдвигается на первый план во всех заявлениях о ее задачах. Наименее удовлетворительно изучено праславянское сложное предложение: самые выдающиеся языковеды ограничиваются в своих трудах несколькими общими замечаниями и предположениями об общеславянском происхождении того или другого союза, но полного согласия в том, какие именно союзы и союзные слова можно считать праславянскими, пока нет.¹ Вследствие этого в сравнительной грамматике славянских языков приводится почти только регистрация и сопоставление союзных средств, встречающихся в историческое время в отдельных славянских языках;² картину возникновения и развития типов сложного предложения, показывающую их общеславянскую основу и дальнейшее самостоятельное развитие в различных группах языков или языках, нельзя пока нарисовать.

2. Указанное положение в изучении праславянского синтаксиса, а в частности сложного предложения, вытекает из двух причин: 1. из недостаточной разработки развития сложного предложения в отдельных славянских языках; 2. из затруднений при применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе. Обе причины находятся в тесной взаимосвязи. Без их устранения нельзя продвинуться вперед при попытке глубоко и достоверно осветить состояние сложного предложения в праславянском языке.

3. Как изучать развитие сложного предложения в отдельных языках?

а) Самой важной задачей является установление целой системы сложного предложения, как она отражается в древнейших памятниках, точное определение всех его типов с учетом их взаимопереходов, взаимосвязей и тонких различий, подробное выяснение значений всех союзов и союзных слов, определение даже тончайших смысловых различий между средствами, кажущимися синонимичными. (Не надо подчеркивать, что здесь налицо опасность внесения в анализ синтаксиса отдаленного периода критериев, соответствующих современному языку. Такого анахронического подхода надо остерегаться.) На основе такого анализа древнейшего исторически засвидетельствованного состояния можно следить за дальнейшим развитием сложного предложения, уделяя особое внимание возникновению новых типов предложения, перемещению границ смежных типов, их более четкому разграничению и внутреннему спаянию. При этом очень важны изменения в значениях существующих союзов и союзных слов, образование новых, исчезновение старых и их смена новыми. В синтаксической теории получило широкое распространение такое мнение, якобы нововведения в области союзов и относительных слов и их обновление — дело словаря, а не синтаксиса.³ Но это положение совершенно неверно и затушевывает сложное развитие, внешним проявлением которого является вытеснение одних союзов или союзных слов другими. Более подробное рассмотрение таких процессов ведет к заключению, что со всякой переменной в запасе союзных средств связано какое-нибудь преобразование данного типа сложного предложения: совпадение двух смысловых оттенков в рамках одного типа, слияние двух разных типов, дифференциация или более четкое разграничение двух типов, выделение нового смыслового оттенка в одном типе и т. п. (Ср. § 9.) Из этого вытекает, что обновление союзов и союзных слов как и нововведения в этой области — это прежде всего результат развития грамматического строя; следовательно, такие процессы относятся к грамматике, а лишь на втором плане их можно считать явлениями лексического порядка.⁴ На основе такого изучения развития целой системы сложного предложения можно раскрыть происхождение многих союзов и союзных слов и образование некоторых его типов, даже тех, которые в основном сложились в доисторическое время. В противоположность этому, одна только регистрация союзов и союзных слов, встречающихся в течение исторического развития в языке, без углубленного объяснения их значений, приносит лишь небольшую пользу. Очень ценны монографии, рассматривающие историю отдельных типов сложного предложения или, по крайней мере, отдельных союзов, но лишь

постольку, поскольку они показывают их развитие с точки зрения системы в целом. В противном случае за ними можно признать лишь вспомогательное значение (они собирают материал и объясняют его, и становятся, таким образом, базисом для разработки всей системы).

б) Сопоставление исторического развития сложного предложения в литературном языке (как оно засвидетельствовано письменными памятниками) с состоянием сложного предложения в диалектах покажет, что можно считать явлением общенародным и что свойственно только литературному языку в связи с его более сложными функциями. Строй сложного предложения в народных диалектах во многих отношениях стоит ближе к состоянию доисторическому, дописьменному, чем конструкции, засвидетельствованные в древнейших литературных памятниках.⁵ Это очень важно при использовании фактов отдельных славянских языков для реконструкции праславянской системы: надо иметь в виду, что возникновение и развитие литературных языков происходит только во время самостоятельного существования отдельных славянских языков, так что связанные с ним конструкции не представляют прямого наследства эпохи языковой общности. Они, конечно, часто опираются на праславянские элементы, но их развитие происходит самостоятельно, хотя и нередко параллельно.

в) Для сравнительного использования материала из отдельных языков необходимо выделение заимствованных элементов.⁶ В развитии сложного предложения сказывается влияние чужих письменных языков сильнее, чем в других областях синтаксического строя. В славянских языках в эпоху их возникновения и первоначального развития встречаемся прежде всего с влиянием греческого и латинского языков,⁷ позднее также немецкого, французского, итальянского и др. Раскрытие заимствований возможно на основе тщательного филологического анализа техники перевода, пополненной сравнением с теми славянскими языками, которые развились в соприкосновении с другими литературными языками. Очень полезно — поскольку дело идет о влиянии письменных языков — также сравнение с диалектами. Без такого анализа нельзя напр. правильно использовать данные из старославянского языка, вследствие того что в нем проявилось очень сильное влияние греческого языка. Гораздо слабее влияние латинского языка на древнечешский, но с ним все же нельзя не считаться. Под влиянием иноязычной конструкции может возникнуть сходная конструкция в двух или нескольких родственных языках; таким образом возникает опасность отнесения ее к эпохе общеславянской. Такая опасность еще возрастает, если дело идет о распространении определенной конструкции под влиянием одного славянского языка на другие; выделение такого рода заимствований доставляет иногда большие трудности.

4. Как обстоит дело с применением сравнительно-исторического метода к изучению сложного предложения?⁸

Как в синтаксисе вообще, так и в области изучения сложного предложения наличие той же конструкции, того же союза и т. п. в нескольких языках вовсе не гарантирует их общего происхождения; их нельзя просто отнести к наследству из эпохи праславянской языковой общности. Всегда надо считаться с тем, что такие конструкции могли возникнуть вследствие параллельного развития на основе лишь

того же материала, или — реже — с тем, что данная конструкция распространилась путем заимствования (или, по крайней мере, развилась под влиянием другого языка).⁹

Так нельзя напр. считать праславянским разделительный союз *libo*, хотя он засвидетельствован в том самом значении в русском, церковнославянском, древне-сербохорватском, древнесловенском (во Фризии. пам.) и древнечешском языках. Подробное изучение показывает, что чеш. *libo* восходит, по всей вероятности, к *ljubo* (в силу перегласовки 'u > i в XIV в.), др. сербохорв. и наверное также словен. *libo* заимствованы из церковнослав. языка, где оно возникло из сочетания разделительного *li* и экспликативного *bo*; в древнейших старослав. памятниках встречаются лишь их свободные сочетания.¹⁰

Сопоставляя отдельные типы сложного предложения в разных славянских языках, мы все время встречаемся с тем, что одинаковые союзы и союзные слова, по своему происхождению несомненно древние, выполняют разные функции и, с другой стороны, что те же функции выражаются при помощи разных средств. Из этого вытекает, что образование таких конструкций надо отнести к самостоятельному развитию отдельных языков; союзы и союзные слова сами по себе могут быть унаследованными из общеслав. языка, но их использование для выражения того или другого отношения — явление более позднее, происшедшее в отдельных языках. Следовательно, мы не имеем права говорить в таких случаях о праславянском союзе того или другого значения (и тем менее предполагать наличие всех засвидетельствованных значений, или же какого-нибудь более общего союзного значения, из которого будто бы развились эти значения), а можем предполагать только то, что в праславянском языке существовало то или другое слово, которое в отдельных языках использовалось в разных союзных функциях. Такое сравнение позволяет только установить, что союзы и союзные слова, которые встречаются в славянских языках, отчасти восходят к праславянской эпохе, отчасти возникли на основе элементов праславянского происхождения (лишь сравнительно редко встречаются союзы совершенно новые или заимствованные из иностранных языков), но такое сравнение ничего не говорит о наличии разных типов сложного предложения в праславянском языке.¹¹

5. Однако все же существует один путь, по которому можно прийти к надежным результатам в изучении праслав. сложного предложения. Он заключается в том, что мы сравниваем не отдельные союзы и типы сложного предложения, а стремимся найти общий исходный пункт исторического развития, тщательно и углубленно установленный для отдельных славянских языков. Установив направление, тенденции и этапы этого развития, мы можем попытаться продолжить эту линию в доисторическое прошлое, реконструировать предысторию типов сложного предложения и всей его системы в славянских языках.¹² В точке пересечения продолженных в предысторию направлений развития, установленных для отдельных языков, лежит его исходный пункт, состояние праславянское. При такой реконструкции надо преодолеть одно опасное препятствие: древнейшие исторически засвидетельствованные конструкции свойственны литературным языкам, между тем как их исходный пункт лежит в дописьменной эпохе. И, как известно, строй сложного предложения в литературном языке качест-

венно отличается от его строя в разговорном языке без письменности.¹³ Поэтому необходимо проверить состояние сложного предложения в отдельных языках посредством данных из народных диалектов и из нехудожественных памятников, чтобы не вносить некритически более высокую степень его развития в доисторическое прошлое. Внимательный анализ данных из литературных памятников откроет, между прочим, многие следы бывшего более свободного сочетания предложений без однозначного выражения грамматическими словами их смысловой связи.

6. Другим важным приемом, оказывающим помощь при реконструкции праславянского сложного предложения, является подробное сравнительное изучение всех засвидетельствованных функций тех союзов и союзных слов, которые восходят к праславянскому языку. Иногда возможно установить известную иерархию их значений и открыть следы перехода от одного значения к другому. При этом мы часто наблюдаем, что союзное значение развивается путем абстракции из значения более конкретного — из значения наречия или, чаще всего, частицы (гл. обр. дейктической частицы междометного происхождения).¹⁴ Обратное развитие почти не встречается (оно являлось бы ретроградным процессом — от абстрактного грамматического значения к более конкретному лексическому значению). Это установление имеет большое значение для реконструкции исходной функции многочисленных союзов. Определить хронологию такого развития трудно, и иногда можно отнести возникновение омонимии (союз — частица, союз — наречие и т. п.) к эпохе языковой общности; однако, в большинстве случаев, указанное развитие протекает лишь в отдельных языках или группах языков с разными, близкими или параллельными результатами.

При помощи этимологии мы определяем родство многих славянских грамматических слов с соответствующими словами других индоевропейских языков. Можно ли — в случае совпадения формы и функций — считать конструкции с этими словами уже индоевропейскими и, следовательно, в праславянском языке не только готовыми, но даже унаследованными от более отдаленного прошлого?

Как мы уже отметили выше, такое заключение обыкновенно неправильно, потому что оно не принимает во внимание возможность параллельного развития грамматического значения из лексического в отдельных языках.¹⁵ Здесь надо действовать еще осторожнее, чем при анализе праславянского состояния. Почти всегда в отдельных индоевропейских языках, где такое грамматическое слово засвидетельствовано, найдутся следы его первоначального значения. Большую помощь при реконструкции смыслового развития славянских союзов оказывает этимология в тех случаях, когда она устанавливает у соответствующего слова в других индоевропейских языках значение частицы, междометия и т. п. Это — наглядное свидетельство о первоначальном значении славянского слова. Ценны также примеры исторически засвидетельствованного параллельного развития слов другого происхождения, но того же значения: они служат поддержкой реконструируемого или лишь предполагаемого развития славянского, показывая его реальную возможность.¹⁶ Конечно, грамматические слова поддаются этимологическому объяснению очень затруднительно; кроме того, их функции

в отдельных языках не представлены всегда полностью и правильно, в их исторической последовательности. Вот почему можно опираться на сведения этимологических словарей лишь с большой осторожностью.

*

7. Мы попытались наметить путь, по которому возможно будет добиться более глубоких сведений о состоянии праславянского сложного предложения. Общее представление о его характере можно получить уже на основе существующего материала.

Первое, что нас поражает, — это незначительное количество союзов и союзных слов, которые можно отнести к праславянскому языку в качестве настоящих грамматических слов с ясной союзной функцией. Это касается как сложноподчиненного, так и сложносочиненного предложения.

Союзная функция развилась уже в эпоху языковой общности славян у союзов *и*, *а*. Однако, в древних памятниках славянских языков *и* выступает не только в качестве соединительного союза, а также противительного, следственного („и так“); *и* вводит новое предложение после разделительной паузы, им нередко начинается сообщение; кроме того, при помощи *и* соединяются деепричастные обороты с последующим сказуемым, *и* стоит в начале главного предложения после придаточного (гл. обр. временного); *и* выступает в качестве усилительной частицы или даже междометия. Подобную картину дает анализ функций слова *а*: оно выражает связь сопоставительную; очень часто присоединяет новое предложение или стоит в начале целого сообщения, вводит вопрос (в значении эмоциональной частицы); соединяет деепричастие с предшествующим сказуемым, стоит в начале главного предложения после придаточного (гл. обр. условного или уступительного); нередко оно является междометием. Указанный сжатый и неполный обзор функций слов *и*, *а* ясно свидетельствует о том, что их нельзя считать праславянскими союзами с четко установленными грамматическими функциями.¹⁷ Сверх того, тщательный анализ их употребления в функции союзов показывает, что грамматическое значение нередко сопровождается следами эмоционального, усилительного значения; мы иногда склонны видеть в них не союзы, а междометные частицы или настоящие междометия даже там, где они теперь, в нашем нынешнем понимании, кажутся союзами.¹⁸ Таким образом становится очень правдоподобным предположение, что слова *и*, *а* по своему происхождению — междометия,¹⁹ у которых уже в праславянском языке постепенно развивалась союзная функция; однако, завершение этого процесса и полная утрата следов первоначального значения относится лишь к самостоятельному развитию отдельных славянских языков; только тогда произошло ограничение широкого и расплывчатого значения этих слов и их превращение в союзы, выражающие определенные сочинительные отношения.

Также у других сочинительных союзов, которые можно с известной долей вероятности отнести к праславянской эпохе, наблюдаются в древнейших памятниках еще очень часто следы лексического значения, связанного с их происхождением (и такое значение продолжает в большинстве случаев существовать рядом с союзным); в течение праславянской эпохи грамматическое значение наверное лишь начиналось развиваться.

8. Если так обстоит дело с сочинительными союзами, нельзя ожидать, что в области подчинения, которое представляет высшую степень развития, положение будет другим. И действительно — разницы между отдельными языками или группами языков показывают, что подавляющее большинство подчинительных союзов и союзных слов возникло в течение их самостоятельного развития. Исследование древних памятников подтверждает такое заключение.

Только относительное местоимение **jьže* и некоторые с основой **jo-*

этимологически связанные союзы и союзные слова признаются праславянскими.

Можно считать вполне правдоподобным, что переход анафорической функции местоимения **ъѣže* в относительную совершился уже в общеславянском языке, но древние памятники славянских языков сохранили значительное количество примеров на его первоначальную функцию. Следовательно, завершение этого процесса более позднее. (Ни в коем случае нельзя отнести к праславянскому языку развитую и крепко оформленную систему относительных предложений так, как мы ее встречаем с старославянских памятниках.)

Древность союзов относительного происхождения (*jako*, *jeda|ž* и др.) не подлежит сомнению; однако, в праславянском закреплении их союзной функции можно сомневаться. Новые исследования показывают, что переход таких местоименных основ к союзной функции не является непосредственным, а что у них надо предполагать более древнюю функцию дейктического междометия или — позже — частицы.

Союзное употребление развивается по большей части лишь на ее основании; реликты такого значения можно раскрыть в древних памятниках славянских языков. Здесь сравнительно-историческая работа только начинается;²⁰ ее осложняет ранняя смена союзов и союзных слов этого рода словами вопросительно-местоименного происхождения.

9. На наши выводы можно возразить, что в праславянском языке могли существовать союзы, которые позже обновились и — в большинстве случаев — сменились в разных языках разными союзами. „В этом нет ничего удивительного: в других индоевропейских языках, даже в засвидетельствованных в наиболее древнюю эпоху, происходило то же самое“ (Мейе).²¹ Это предположение подкрепляют иногда утверждением, что ведь нашим праславянским предкам, достигшим сравнительно высокого культурного уровня, приходилось как-нибудь выражать те отношения, которые мы выражаем при помощи союзов или союзных слов.

Такие возражения неверны. Одно предположение о существовании исчезнувших праславянских союзов, которое не опирается на научные доказательства, а только на общие соображения, нельзя считать обоснованным. Исследование истории союзов и сложного предложения вообще в подавляющем большинстве случаев показывает, как союзы образовались, в связи с выделением отдельных типов сложного предложения, из слов лексического значения — о простом замещении более древних союзов не приходится говорить. Некоторые древние союзы, конечно, отмирают, и их место занимают новые, но это обыкновенно связано с совпадением двух видов сложного предложения.

Так напр. чешские союзные слова и союзы, восходящие к вопросительным местоименным основам (*kdy|ž*!, *kde*, *kam*, *odkud*, *kolik* и др.) развивались в сложных предложениях, возникших путем сложения первоначально самостоятельного вопроса с другим предложением (то же самое наглядно происходит в относительных предложениях с *kto*, *co*, *lterýž*). В таком сочетании предложений на первый план выступало условное отношение, в отличие от сочетаний с союзными словами или союзами указательно-относительного происхождения. Только после смыслового сближения обоих типов старые союзы могли уступить место новым; в связи с этим исчезает внутреннее различие значения в рамках того же более широкого типа.²² Подобное развитие представляет собой вытеснение *by* в изъявительных предложениях союзом *že* с изъявительным наклонением: первоначальное различие между сообщениями мнимого и явного, реального содержания стиралось (или, точнее говоря, не выра-

жалось больше при помощи союза, *же* становилось средством выражения изъяснительной связи без первоначального ограничения, связанного с его происхождением, и могло вступать на место *и*, которое после сложного развития в этом типе сложного предложения исчезло). Таких примеров можно привести много.²³ С указанной точки зрения необходимо изучить смену союзов и союзных слов в русском языке. Даже беглое сравнение состояния древнерусского с более поздним показывает, что здесь нельзя говорить о простом обновлении древнерусских или церковнославянских союзов и союзных слов — дело идет о значительном переустройстве (или даже о новом образовании) целой системы сложного предложения. Большая часть новых союзных средств возникла в тех стилях, в которых старые средства или вообще не встречались, или же чувствовались привнесенными извне. Между тем, в памятниках, написанных на церковнославянском языке или „высоким стилем“, старые союзы и союзные слова продолжали существовать.

10. Если наши заключения верны, то спрашивается, как же выражались смысловые отношения между предложениями? Не выполняло ли эту роль бессоюзное сложное предложение?

Исторические факты не дают нам права судить, что бессоюзное сложное предложение играло такую роль. Лишь в художественных памятниках встречается часто настоящее бессоюзие, но это производит впечатление приема стилистического. Большинство памятников (особенно показательны памятники нехудожественные, деловые и т. п.) производит скорее впечатление многосоюзия — почти каждое предложение начинается каким-нибудь словом, в котором мы склонны видеть союз.

Сравнивая строй сложного предложения в древних памятниках славянских языков (поскольку в них не отражается сильное влияние иностранного литературного языка, как напр. в церковнославянской литературе) и в устной народно-разговорной речи, мы приходим к заключению, что не только грамматическое, но и смысловое подчинение предложений развивалось постепенно; одно находится в тесной взаимосвязи с другим. Исходной формой развития сложного предложения является простое следование предложений, которые уже отчасти лишились своей самостоятельности, но не подчинялись друг другу. В этом отражался и более простой способ мышления — следование одной мысли за другой, как они появляются у говорящего, следуя за сообщаемыми явлениями действительности или выступая в его памяти в силу ассоциации и т. п. Между отдельными предложениями в таком речевом высказывании выступали разные смысловые отношения, но только на основе их содержания. Говорящие выражали свои мысли и в рассказе о разных событиях так, как они в них возникали при непосредственном переживании этих событий; вследствие этого в их речи встречалось множество междометий и эмоциональных частиц, чередовались предложения разных модальных планов (рядом с самими частыми повествовательными — нередко восклицательными — и вопросительными, повелительными, пожелательными). Но здесь эмоциональная окраска речи стиралась, первоначальные междометия, эмоциональные и дейктические частицы теряли свое значение и могли переосмысливаться, становиться связующими средствами между соседними предложениями, поскольку они часто повторялись и поскольку на основе содержания двух следующих друг за другом предложений ощущалась та или другая смысловая связь. Также предложения косвенных модальных планов примыкали теснее к соседним предложениям повество-

вательным (таким образом на основе предшествующих замкнутых вопросов возникают условные придаточные предложения, или же — если дело идет о развернутых вопросах — предложения относительные; последующие вопросительные предложения превращались часто в косвенные вопросы; повелительные и пожелательные предложения превращались отчасти в объектные, отчасти в целевые придаточные предложения и т. п.) и вводящие их вопросительные, пожелательные, повелительные и др. частицы превращались в союзы.²⁴ Но в устной речи намеченное развитие не продвинулось далеко. Зато в ней очень распространилось употребление слов, которые уже по большей части утратили свое первоначальное лексическое значение и стали выражением присоединения, нанизывания предложений.

Образование настоящего подчинения — а также сочинения — предложений путем более тесного сочетания непосредственно связанных по смыслу предложений и их отграничения от смежных предложений произошло, по всей вероятности, лишь после создания своего письменного языка.²⁵ И так как письменные языки возникают в течение самостоятельного развития отдельных славянских языков, то становятся хорошо понятными их расхождения в строе сложного предложения и в использованных союзных средств.

Вопреки тому, в общеславянском языке на основе частого повторения все же развились сравнительно прочные типы сочетания предложений, которые представляли рудименты сложных предложений. Тем самым можно объяснить, что основная структура главных типов сложного предложения в славянских языках сходная или очень близкая; обыкновенно в них использованы и слова того же рода в качестве связующих средств. Там, где условия дальнейшего развития были подобные, наблюдаются поразжающие совпадения в многих типах, которые нельзя удовлетворительно объяснить влиянием одного языка на другой.

Так напр. изъяснительные предложения восходят к сочетанию повествовательного предложения, воспроизводящего первичную обстановку сообщаемого происшествия, с последовательным прямым выражением мысли об этом происшествии; союзы развились позже гл. обр. на основе дейктических междометий, вводящих второе предложение. Ср. древнечеш. *Čtirad uzřě, nali dievka pláče* = Цтирад увидел: вот, девушка плачет! > увидел, что девушка плачет.²⁶ Придаточные условные предложения развились на основе замкнутых вопросов (союз *li* < вопросительная частица) или восклицательных предложений (союз *ače*, вероятно также *ašte* и *ako*). Подобное происхождение имеют уступительные предложения (*kako* || *ače*, *ašte*, *ako*); от общеславянского унаследовано и применение противительных слов в аподозисе (являющихся по своему происхождению частицами, выражающими удивление над несоответствием „условия“ и происшествия).

Таким же образом складывались в общеславянском языке основы для развития большинства типов сложного предложения. Уточнение этого предположения и установление, в какой мере начался переход таких сочетаний предложений в настоящее сложное предложение, до какой степени уже в праславянском развилось смысловое подчинение предложений и в связи с тем также элементы грамматического гипотаксиса, является задачей дальнейшего сравнительно-исторического исследования—

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Срав. напр. осторожную формулировку О. Гуйера (O. Hujer, *Úvod do dějin česk. jazyka*, Praha 1946, 82) и замечания А. Мейе (*Общеславянский язык*, русс. перевод, Москва 1951, 387 сл.), основанные притом, как правильно отмечает П. С. Кузнецов (стр. 468), почти исключительно на материале старославянского языка.

² Ср. гл. обр. V. Vondrák, *Vergl. slav. Grammatik II*, Göttingen 1928, 458—555.

³ Ср. А. Мейе, *Общеславянский язык* 380; его мнение разделяет напр. З. Клеменшевич (Klemensiewicz—Lehr-Spřawiński—Urbańczyk, *Gramatyka historyczna języka pol.*, Warszawa 1955, 393) и в известной степени также О. Гуйер (*Úvod* 82).

⁴ Эти положения пытаемся доказать в своей обработке развития чешского сложного предложения, которую готовим к печати. Ср. мои статьи *K vývoji českého souvětí*, *Slovo a slovesnost* 18, 1957, 29—37; *Vývoj vylučovacího souvětí v češtině*, *Slavia* 24, 1955, 390—401; *Vývoj stupňovacího souvětí v češtině*, *Sborník fil. fak. Brno* 1956, A 4, 24—36. Очень показательны в этом отношении изложения Фр. Травничка (Frant. Trávníček, *Skladba*, *Historická mluvnice česká* 3, Praha 1956, 39 сл.).

⁵ Ср. J. Bauer, *Staročeská věta a staročes. souvětí na podkladě srovnávacím*, sborník K historickosrovnávacímu studiu slov. jazyků, Praha 1958, 108 сл.

⁶ Проблеме выделения заимствованных элементов при реконструкции синтаксиса родственных языков посвятила обстоятельную статью В. Н. Ярцева, *Вопросы языкознания* 5, 1956, № 6, 3—14.

⁷ Ср. J. Bauer, *Vliv řečtiny a latiny na skladbu slov. jazyků*, *Čs. sborník referátů pro IV. mezinár. sjezd slavistů v Moskvě*, Praha 1958, 66—88.

⁸ Самым ценным вкладом в решение этого вопроса в последнее время является статья Т. С. Кнабе, *О применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе*, *Вопросы языкознания* 5, 1956, № 1, 76—85. Его заключения вполне применимы и к изучению сложного предложения.

⁹ Так напр. вполне вероятно, что условный союз *если* в русском литературном языке распространился не без воздействия польского союза *jeżeli* (ср. В. А. Плотникова, *К вопросу об образовании союза если в русском языке*, Труды Института языкознания АН СССР V, 1954, 224 сл.), который стоит в связи с чешск. *jestli, jestliže*. Ярким примером сходного результата параллельного развития может послужить образование причинного союза *nebo* в чешском и церковнославянском языках (ср. статьи: J. Bauer, *Slovanské spojky s -bo*; М. Вауерová, *Staroslověnské spojky bo, *nebo, nebož, ibo* в сборнике *Studie ze slovanské jazykovědy* (печатается)).

¹⁰ См. в указанной статье Я. Бауэра.

¹¹ Даже в использовании таких древних союзов, хорошо засвидетельствованных почти во всех славянских языках, как напр. *bo*, встречаются важные расхождения между отдельными группами языков, так что их нельзя просто отнести к праславянскому языку. (См. в выше указанной нашей статье о слав. союзах с *-bo*.)

¹² Ср. результаты, к которым пришел при объяснении происхождения многих типов чешского сложного предложения Фр. Травничек (*Skladba*, *Historická mluvnice česká* 3).

¹³ Ср. Fr. Trávníček, *Skladba*, *Historická mluvnice čes.* 3, стр. 19 и 41; J. Bauer, *Staročes. věta a stč. souvětí na podkladě srovnávacím*, sborník K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků, 108 сл.

¹⁴ Этот самый важный источник союзных значений раскрыли убедительно И. Зубаты и Фр. Травничек.

¹⁵ Ср. замечания И. Германа (I. Herrmann, *Gab es im Indogermanischen Nebensätze?*, Gütterslohn 1894).

¹⁶ Так напр. соответствия славянского *bo* имеют по большей части значение утвердительной частицы. Примером развития от такого значения к экспликативному служит латинское *nam*. Ср. в указанной статье о союзах с *-bo*. — Этимология союза *ač*, *ač* указывает на его паратактическое происхождение: *a* ~ санскрит. *āt*, *če* ~ *ča* < **que* (у санскрит. *ča* развилась также функция условного союза!). И т.п.

¹⁷ Ср. напр. мнение И. А. Поповой (в статье *Сложно-сочиненное предложение в современном русском языке*, сборник *Вопросы синтаксиса современного рус. языка*, Москва 1950, 395), что эти союзы являлись даже в древнерусском языке „еще не сочинительными союзами, а универсальным средством выражения отношений между предложениями“. Надо, однако, добавить, что они не являлись никогда средствами синонимическими. В этом отношении прав В. И. Борковский, указывая, что даже

в начинательной функции каждый из союзов *a*, *i* имел в древнерусских грамотах определенный круг значений (Slavia 25, 1956, 190).

¹⁸ Так напр. И. Курц показывает, что *a*, *i*, соединяющие деепричастные обороты со сказуемым или вводящие главное предложение после придаточного, представляют в древних исторических памятниках скорее междометия, чем союзы. (Ср. его реферат на чехословацкой конференции о сравнительном изучении славянских языков 1957 г. — печатается в сборнике конференции.)

¹⁹ Ср. напр. взгляд Фр. Травничека (*Skldaba* 46—47).

²⁰ Междометное происхождение союзов *jako*, *jedy (žto)*, *jeda (ž)* отмечает Фр. Травничек (*Skldaba* 58, 87—88, 89). И. Курц видит первоначальное междометие в старославянском *jako* в начале прямой речи.

²¹ А. Мейе, *Общеславянский язык* 380. Надо, однако, добавить, что Мейе на другом месте утверждает: „Древние индоевропейские языки не имели подчинительных союзов; то же наблюдается и у славянских языков, где союзы весьма отличны“ (391).

²² Ср. убедительное объяснение этого процесса, гл. обр. распространения местоимения *který* за счет древнего *jenž* , у Травничека (*Skldaba* 99 сл., гл. обр. 107 сл.); со сравнительной точки зрения ср. об этом наши замечания, *Sborník fil. fak. Brno* 1957, A 5, 125 сл.

²³ Ср. ближе в моих статьях *K vývoji českého souvětí*, *Slovo a slovesnost* 18, 1957, 32—33, 35—36; *Staročes. věta a stč. souvětí na podkladě srovnávacím* (в выше приведенном сборнике).

²⁴ Решающую роль, которую сыграла передача переживаний в другой обстановке в процессе образования сложного предложения, отмечает Фр. Травничек (*Skldaba* 41 сл.). Ср. также *Slovo a slovesnost* 18, 1957, 29—30.

²⁵ Что сочинение и подчинение являются одинаково развившимися категориями, показывает Т. П. Ломтев (*Из истории синтаксиса русс. языка*, Москва 1954, 63); см. также *Slovo a slovesnost* 18, 1957, 29—30. — О взаимной зависимости внутреннего спаяния синтаксических целых и их ограничения от смежных единиц см. J. Вауер, *Staročes. věta a stč. souvětí na podkladě srovnávacím* (в указанном сборнике). — Закрепление сочинительной функции за союзами *i*, *a*, *da* связывает с развитием литературного языка И. А. Попова (см. примечание 17).

²⁶ Fr. Trávníček, *Neslovesné věty v češtině I*, Brno 1930, 43 сл.; J. Zubatý, *Studie a články I, 2*, Praha 1949, 44 сл.; срав. также II, 1954, 74 сл.

ОТЗКА REKONSTRUKCE PRASLOVANSKÉHO SOUVĚTÍ

1. Реконструкция прасловянского синтаксического системы je důležitým úkolem srovnávací slovanské jazykovědy: pomůže pochopit a správně hodnotit shody a rozdíly mezi slovanskými jazyky.

2. Neuspokojivý stav bádání v této oblasti má dvě hlavní příčiny: nedostatečné zpracování historické syntaxe a zejména vývoje souvětí v jednotlivých jazycích a potíže spojené s užitím historickosrovnávací metody ve skladbě.

3. Jak studovat vývoj souvětí v jednotlivých jazycích?

a) Je nutno zachytit systém souvětí v nejstarších památkách a pečlivě sledovat jeho změny v dalším vývoji. Výměna spojovacích prostředků není jen jevem slovníkovým — vždy je spojena se změnou příslušného typu souvětí (se vznikem nebo zánikem významových rozdílů, s vnitřním sjednocením celého typu a jeho odlišením od typů jiných a pod.). Dílčí monografie musí přihlížet ke změnám celého systému.

b) Srovnání stavu ve spisovném jazyce a v nářečích ukáže, co je ve vývoji souvětí jevem celonárodním a co je omezeno na spisovný jazyk; takové jevy nelze ovšem promítat do praslavaštiny.

c) Je třeba odlišit konstrukce přejaté od výsledků samostatného vývoje a nedát se zmýlit ani jejich rozšířením ve více jazycích. Zvláště těžké bývá rozpoznání vzájemných vlivů slov. jazyků.

4. Užití historickosrovnávací metody ztěžuje nejvíce to, že existence stejných konstrukcí ve více jazycích nemusí být svědectvím o jejich praslavanském původu (je třeba počítat s paralelním vývojem, společným přejetím, vzájemným působením atd.). Kromě toho se stále setkáváme s tím, že se týž vztah vyjadřuje různými spojovacími prostředky a že stejné prostředky mají různé významy. V takovém případě lze vznik těchto prostředků klásti do praslavaštiny, ale nemůžeme tam promítat jejich funkce.

5. Jedinou cestou k poznání stavu praslovanského je podrobné zjištění vývoje souvětí v jednotlivých slovanských jazycích a jeho prodloužení do minulosti; stav praslovanský najdeme v průsečíku takto zjištěných vývojových směrů. Musíme při tom však dáti pozor na důležitý předěl — rozhraní mezi stavem souvětí v jazyce předspisovném a v jazyce spisovném.

6. K tomu je nutno připojit srovnávací analýsu všech významů spojovacích prostředků, u nichž je pravděpodobný praslovanský původ; zjišťujeme tak, že u nich mluvnický význam obvykle vznikl z lexikálního. (Nejčastěji pozorujeme vznik spojek z částic, zejména deiktických, dále z příslovcí.) Při opatrném postupu může pomoci i etymologie, zjišťující příbuzné prostředky v jiných jazycích ide.

7. Při pokusu naryšovat celkový obraz praslovanského souvětí překvapuje, jak málo spojek můžeme promítnout přímo do praslovanštiny. Ani parataktické spojky tak obecně rozšířené, jako jsou *i*, *a*, neměly zřejmě vyhraněnou a ustálenou funkci.

8. Tím méně lze do praslovanštiny klásti hypotaktickou funkci prostředků (i prastarých spojek z relativního kmene **jo-*; jen samo relativum vznikalo snad už v praslovanštině).

9. Námitka, že mohly existovat prostředky, které zanikly nebo byly v jednotlivých jazycích nahrazeny různými spojkami, při bližší analýse neobstojí. Každá změna ve spojkách nebo relativech je výsledkem vývoje celého souvětí.

10. Nelze předpokládat ani asyndetické vyjadřování podřízenosti myšlenek („Hypotaxis ohne grammatische Kennzeichnung“ — Brugmann). Nejen mluvnická hypotaxe, ale i samo podřizování jedné myšlenky druhé se vyvíjelo z původní juxtaoposice, volného navazování vět. Začátky tohoto procesu jsou staré, ale dovršit se tento vývoj mohl až v jazyce spisovném. Další bádání může osvětlit, do jaké míry pokročil už v praslovanštině.

ZUR FRAGE DER REKONSTRUKTION DES URSLAWISCHEN ZUSAMMENGESetzten SATZES

1. Die Rekonstruktion des urslawischen syntaktischen Systems stellt eine wichtige Aufgabe der vergleichenden slawischen Sprachwissenschaft dar; sie hilft uns die zwischen den einzelnen slawischen Sprachen bestehenden Übereinstimmungen als auch Unterschiede zu begreifen und zu bewerten.

2. Der unbefriedigende Stand der Forschung auf diesem Gebiet hat hauptsächlich folgende zwei Ursachen: die ungenügende Bearbeitung der historischen Syntax, besonders aber der Entwicklung des zusammengesetzten Satzes in den einzelnen Sprachen, und die mit der Anwendung der historisch-vergleichenden Methode im Bereich der Syntax verknüpften Schwierigkeiten.

3. Wie sollte man nun die Entwicklung des zusammengesetzten Satzes in den einzelnen Sprachen untersuchen?

a) Es ist notwendig, das System des zusammengesetzten Satzes in den ältesten Denkmälern zu erfassen und seine Veränderungen während der weiteren Entwicklung genau zu verfolgen. Der Wechsel der Verbindungsmittel ist keine ausschließlich lexikalische Erscheinung — er ist immer verknüpft mit einer Veränderung des betreffenden Typs des zusammengesetzten Satzes (mit der Entstehung oder dem Schwund von Bedeutungsunterschieden, mit einer inneren Vereinheitlichung des ganzen Typs und dessen Absonderung von anderen Typen usw.). Die Teilmonographien müssen die Veränderungen des ganzen Systems berücksichtigen.

b) Ein Vergleich der Verhältnisse im Bereich der Schriftsprache und der Mundarten wird dann zeigen, was in der Entwicklung des zusammengesetzten Satzes eine gesamt-nationale Erscheinung darstellt und was auf die Schriftsprache beschränkt bleibt; solche Erscheinungen darf man freilich nicht auf das Urslawische übertragen.

c) Es ist notwendig, die übernommenen Konstruktionen von den Ergebnissen der eigenen Entwicklung zu unterscheiden, ohne sich dabei durch deren Verbreitung in mehreren Sprachen irreführen zu lassen. Besonders schwierig ist dabei die Feststellung der wechselseitigen Einflüsse der slawischen Sprachen.

4. Die Anwendung der historisch-vergleichenden Methode wird aber in erster Linie dadurch erschwert, daß das Vorkommen von denselben Konstruktionen in mehreren Sprachen noch nicht ein Zeugnis deren urslawischen Ursprungs zu sein braucht (man muß die parallele Entwicklung, die gemeinsame Übernahme, den wechselseitigen Einfluß usw. in Betracht nehmen). Außerdem kommt immer wieder die Tatsache zum Vorschein, daß dieselbe Beziehung durch verschiedene Verbindungsmittel ausgedrückt wird und daß dieselben

Verbindungsglieder verschiedene Bedeutungen haben. In diesem Falle kann man die Entstehung jener Mittel ins Urslawische setzen, aber man darf nicht ihre Funktionen in das Urslawische übertragen.

5. Der einzige Weg zur Erkenntnis des urslawischen Zustandes ist eine eingehende Untersuchung der Entwicklung des zusammengesetzten Satzes in den einzelnen slawischen Sprachen und die Verlängerung dieser Entwicklungslinien in die Vergangenheit; den urslawischen Zustand finden wir in dem Schnittpunkt der auf diese Weise festgestellten Entwicklungslinien. Dabei müssen wir jedoch die wichtige Grenzstufe sorgfältig beachten — die Scheidelinie zwischen dem Zustand des zusammengesetzten Satzes in der Schriftsprache und demjenigen der früheren Stadien der Sprachentwicklung.

6. Gleichzeitig muß eine vergleichende Analyse aller Bedeutungen derjenigen Verbindungsglieder durchgeführt werden, deren urslawischer Ursprung als wahrscheinlich erscheint; wir stellen dann fest, daß die grammatische Bedeutung gewöhnlich aus der lexikalischen Bedeutung entstanden ist. (Am häufigsten erscheint die Entstehung der Konjunktionen aus Partikeln, besonders aus den deiktischen, weiter aus den Adverbien.) Auch die Etymologie kann, vorsichtig angewandt, ebenfalls mithelfen, indem sie die verwandten Mittel in den id. Sprachen aufzeigt.

7. Der Versuch, eine Gesamtdarstellung des urslawischen zusammengesetzten Satzes zu entwerfen, führt zu der überraschenden Feststellung, wie wenige Konjunktionen direkt in das Urslawische projiziert werden können. Nicht einmal solche allgemein verbreiteten Konjunktionen, wie es z. B. *і*, *а* sind, hatten eine ausgeprägte und stabilisierte konjunktive Funktion.

8. Noch weniger kann die hypotaktische Funktion der Mittel in das Urslawische gesetzt werden (das gilt auch von den aus dem alten Relativstamm entstandenen Konjunktionen; nur das Relativum allein war bereits im Urslawischen in Entstehung begriffen).

9. Auch die Einwendung, daß es Mittel gegeben haben kann, die verschwunden oder in den Einzelsprachen durch verschiedene Konjunktionen ersetzt worden sind, hält nach einer näheren Analyse nicht stand. Jede Veränderung im Bereich der Konjunktionen oder der Relativa stellt das Ergebnis der Entwicklung des gesamten Typs des zusammengesetzten Satzes dar.

10. Auch kann man nicht voraussetzen, daß die Unterordnung der Gedanken asyndetisch ausgedrückt wurde („Hypotaxis ohne grammatische Kennzeichnung“ — Brugmann). Nicht nur die grammatische Hypotaxis — selbst die Unterordnung eines Gedankens einem anderen Gedanken entwickelte sich aus der ursprünglichen Juxtaposition, aus der freien Verbindung von Sätzen. Die Anfänge dieses Prozesses sind alt, aber ihre Vollendung konnte diese Entwicklung erst in der Schriftsprache finden. Weitere Untersuchungen können uns zeigen, inwiefern diese Entwicklung bereits in dem Urslawischen fortgeschritten ist.

Übersetzt von M. Beck